

КОЕ-ЧТО ИЗ МОИХ ЛИЧНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ

Но было бы крайне односторонне видеть в Некрасове одну только практическую предприимчивость и воображать, что он весь исчерпывался ею, представлял собой ходячую практичность. Рядом с этим элементом мы видим в нем и другие. Если бы Некрасов весь исчерпывался одной практичностью и жаждой нажиться, из него выработался бы один из тех литературных промышленников, которые, плывя всю жизнь между Сциллой и Харибдой литературного моря, к пятидесяти годам сколачивают изрядный капиталчик и, заботясь лишь о его округлении, очень бывают довольны, если им удастся обзавестись двумя-тремя каменными домиками, доходным именищем, и больше им ничего не надо. Таков, например, был Андрей Александрович Краевский или Григорий Евлампиевич Благодетель. Совсем не таков был Некрасов. Как благодушно филистерское прозябание изо дня в день, так и скаредная радость при виде возрастающего из года в год капиталчика - были совершенно чужды его натуре. Это был человек, обладавший сильными страстями, которые постоянно требовали исхода в каких-нибудь потрясающих впечатлениях, и мелкая тина повседневных дрязг претила ему. По самой натуре своей это был боец в том смысле, что для него, как вода для рыбы, необходима была борьба с такими препятствиями и опасностями, в которых заключался бы более или менее отважный риск.

Одним словом, Некрасов принадлежал к типу тех людей, из которых вырабатываются или отважные мореходы и путешественники, Колумбы, Куки, Ливингстоны, или же пираты и контрабандисты. Недаром Некрасов заставил своего Каютина, в лице которого он воплотил свой идеал, в его стремлении нажиться не ограничиваться какими-нибудь спекуляциями в стенах столицы, а непременно путешествовать по трем странам света, подвергаясь всевозможным опасностям в борьбе с разными стихиями. Если бы Некрасов не обладал художественным талантом, устремившим его на литературное поприще, из него непременно выработался бы если не скиталец вроде Маклая-Миклухи, то тот же Каютин¹.

Самая обстановка Некрасова соответствовала его склонностям. Кто вошел бы к нему в квартиру, не зная, кто в ней живет, ни за что не догадался бы, что это квартира литератора, и к тому же певца народного горя. Скорее можно было подумать, что здесь обитает какой-то спортсмен, который весь ушел в охотничий промысел; во всех комнатах стояли огромные шкапы, в которых вместо книг красовались штуцера и винтовки; на шкапах вы видели чучела птиц и зверей. В приемной же комнате на видном месте между окнами стояла на задних лапах, опираясь о дубину, громадная медведица с двумя медвежатами, и хозяин с гордостью указывал на нее, как на трофей одного из своих самых рискованных охотничьих подвигов.

Нужно при этом заметить, что какая бы то ни было борьба увлекала Некрасова не столько достижением своей цели, ради которой она велась, сколько самой поэзией ее процесса! Если долгое время он не испытывал сильных впечатлений этой поэзии, и дни тянулись за днями в однообразных мелочах будничной жизни, он весь как-то опадал, им овладевало уныние, он делался угрюм, раздражителен и желчен. Наверное, в подобные монотонные минуты жизни создались у него такие мрачные стихотворения, как "О погоде" или "Рыцарь на час". Когда же ему предстояло встать лицом к лицу с чем-либо вызывающим его на бой и напрягающим его нервы, он весь словно приосанивался, делался весел, разговорчив и глаза его горели...

Как бы это ни казалось странно с первого взгляда, тем не менее следует признать, что три такие, не имеющие, по-видимому, ничего общего между собой, занятия в его жизни, как издание журнала, карточная игра и охота, проистекали из одного и того же источника и имеют совершенно один и тот же характер. Не одно только увлечение передовыми идеями, но и не одна выгода заставляли его издавать журналы с рискованными направлениями; вместе с тем, действовало здесь и упоение борьбы с теми опасностями и всякого рода подводными камнями, с какой соединялось это дело. Когда Некрасову удалось отстоять журнал, провести какую-нибудь статью, печатание которой казалось с первого взгляда немислимым риском, - он радовался и ликовал совершенно так же, как и в то время, когда ему удавалось подстрелить большого лося или уложить медведя. Увлекаясь подобного рода борьбой, он позволял себе

многое такое, что могло казаться предосудительным с точки зрения строгой морали, но что он оправдывал, как военные хитрости. Жестоко ошибаются, таким образом, те, которые объясняют двоедушием те презрительные отзывы, которые делал Некрасов в Английском клубе о некоторых из своих сотрудников. В его глазах это была лишь стратегия, посредством которой он желал показать, как он сам мало ценит этих сотрудников, внушить кому следует, в свою очередь, не смотреть на них, как на каких-то опасных страшилищ.

Между тем как Некрасов вносил в издательское дело азарт игрока, в свою очередь, в самый разгар карточных турниров никогда не покидал его рассудок, который взвешивал с хладнокровием математического расчета все шансы выигрышей и проигрышей. Обыкновенно у нас считается аксиомой, что страсти омрачают рассудок; карточную же игру полагают такой губительной страстью, которая, более чем какая-либо другая, отнимает у человека и волю, и разум. Некрасов служит вопиющим опровержением этой аксиомы. Та могучая сила воли, которой одарен был Некрасов от природы и которую он еще более развил борьбой с внешними обстоятельствам жизни, ни на минуту не покидала его и в непрестанной борьбе с самим собой. Он так упорно и крепко держал в ежовых рукавицах все свои бурные страсти и таким был строгим хозяином самого себя, что, кто не знал "го близко, тому он мог показаться человеком совершенно бесстрастным. Он сам однажды признавался по поводу дикого проявления гнева со стороны не помню уж кого-то, что и сам он расположен к необузданной вспыльчивости и в юности не раз выходил из себя; но однажды он дал себе слово никогда не позволять себе этого, - и с тех пор ни разу не подымал голоса ни на одну ноту. И, действительно, сколько я ни знал Некрасова, я не запомню ни одного случая, чтобы он на кого-нибудь рассердился и закричал.

При таком непреклонном самообладании Некрасов никогда не позволял себе в игре то, что называется *зарываться*. И здесь его увлекала не столько цель игры - выиграть кучу денег и наполнить ими карманы, сколько опять-таки самый процесс борьбы с слепой фортуной игры. Когда он возвращался домой веселый и ликующий после выигрыша и, напротив того, - угрюмый и мрачный, проигравшись, не самая прибыль или убыль денег обуславливали подобные настроения его, а сознание себя победителем или побежденным. Если бы по дороге из клуба он неожиданно получил сумму вдвое большую, чем проиграл, вряд ли эта легкая получка утешила бы его; желчь проигранной битвы продолжала бы мутить его. <...>

Люди с темпераментом Некрасова редко бывают склонны к тихим радостям семейной жизни. Они пользуются большим успехом среди женского пола, бывают счастливыми любовниками или донжуанами, но из них не выходит примерных мужей и отцов. Понятно, что и Некрасов, принадлежа к этому типу, не оставил после себя потомства. Только под старость, когда страсти начали угасать в нем, он оказался способным к прочной привязанности к женщине, на которой и женился на смертном уже одре. Но это не мешало ему иметь нежное и привязчивое сердце. Он отнюдь не был сухим и черствым эгоистом, лелеющим и холящим только самого себя, и был способен питать глубокую, нежную и совершенно бескорыстную привязанность к тем немногим родным и друзьям, которые окружали его. Стоит вспомнить только отношения его к родней сестре, к Добролюбову и пр.

Все эти качества, составляющие существенные элементы характера Некрасова, конечно, не имеют ничего общего с тем шаблонным представлением певца народного горя, к которому мы привыкли. Певец горя народного, конечно, должен быть, во-первых, Козьмою-бессребреником, во-вторых - обладать кротким и нежным сердцем, не пить, не курить, сидеть на чердаке и бряцать на лире впроголодь или же ходить по деревенским хатам и, прислушиваясь к стонам народного горя, заливаться слезами. И вдруг этот самый певец народного горя является перед вами в образе не то игрока, не то браконьера. Это может хоть кого сбить с толку.

Но в то же время сообразите, почему же все вышеозначенные качества Некрасова могли помешать ему сделаться певцом народного горя?.. Чтобы допустить это, нет никакой надобности делать такие хитроумные натяжки, какие мне приходилось не то слышать, не то читать: что, мол, на другой день после карточной игры Некрасов так страдал душой, под впечатлением крупного проигрыша, что в страданиях этих живо начинал чувствовать, что выносит народ, и сливался с ним, так как горе от проигранных двадцати тысяч, как и от сгоревшей хаты, само по себе, в сущности, одно и то же человеческое горе...

Такое курьезное предположение могло бы иметь еще хотя бледную тень правды, если бы было известно, что Некрасов писал такие свои стихотворения, как "Мороз, Красный нос" или "Коробейники", аккуратно после карточных проигрышей. Известно же нам нечто как раз противоположное. Именно в продолжение зимних сезонов в сутолоке столичной жизни он редко брался за перо. Не до того ему было в это время среди обедов, ужинов, карточных турниров, литературных чтений и хлопот об издании журнала. Не успевал он спать лечь после бессонной ночи, проведенной в клубе, как являлся метранпаж Чижов с корректурами, кто-нибудь из сотрудников по важному вопросу, масса просителей всякого рода, кучер докладывал, что у лошади нога засеклась, ветеринар являлся лечить собаку - до "Мороза ли Красного носа" тут было!

Известно, что Некрасов писал свои произведения преимущественно в деревне, или у брата в Ярославском уезде, или на Чудовской станции Николаевской железной дороги, где у него была заведена небольшая охотничья дачка. <...>

Аполлоном, требующим поэта к священной жертве, для Некрасова и была деревенская русская природа, которая умиротворяла его душу, заставляла его забывать о заботах суетного света и призывала его к священной жертве... А среди этой природы обступали его дядюшки Митяи, Проклы, тетушки Ненилы, "крестьянские дети",-- и патриархальной простотой своей жизни, всей своей убогой обстановкой, наивно-трогательными рассказами о своих бедах и невзгодах будили в чутком, восприимчивом сердце его ноты того глубокого, искреннего сочувствия к народному горю, каким исполнены его бессмертные песни. Образ горячо чтимого учителя, В. Г. Белинского, вставал в это время из могилы в его воображении и звал его от "ликующих, праздно болтающих, омывающих руки в крови, в стан погибающих за великое дело любви"². Вот под влиянием всех этих впечатлений Некрасов и превращался из того человека, каким знали его немногие его окружавшие, в певца горя народного, каким знает его вся Россия.

Одним словом, вот какое нравоучение следует из всего сказанного.

Было время, и так недавно еще, когда младенчеству психология полагала, что каждый человек олицетворяет собой известную добродетель или порок и весь, так сказать, исчерпывается своим олицетворением: уж если самоотверженный подвижник - так уж и каждый шаг его должен быть подвигом самопожертвования, подлец - так с ног до головы подлец; игрок только о том и должен помышлять ежеминутно, как бы кого обыграть и т. д. Но пора бы бросить подобную наивно-невежественную философию ввиду хотя того, что в последние годы психологи открыли не только возможность совмещения в одном человеке самых разнородных душевных качеств, но и факты двойственного и даже тройственного существования, заключающиеся в том, что один и тот же человек периодически может являться как бы двумя субъектами, не имеющими ничего общего между собой по своим характерам и нравственным качествам и даже претендующими носить различные имена.

Почему же не предположить, что и Некрасов представлял собой такую же раздвоенность? Иной Некрасов был в суете столичной жизни, особенно где-нибудь в Английском клубе: там он мог напускать на себя большую долю тщеславия и фатовства, корчить из себя избалованного денди, принимать даже деятельное участие в оргиях гастрономического общества. Но среди деревенской обстановки и под влиянием родной природы и народной жизни в нем пробуждался иной человек, которого мы знаем по его дивным песням. <...>

Примечания

Александр Михайлович Скабичевский (1838--1910) - литературный критик, историк, познакомился с Некрасовым в последний год издания "Современника".

"... В один из понедельников в феврале или марте я явился к Некрасову, в его квартиру в доме Краевского, на углу Бассейной и Литейной, - вспоминал Скабичевский,-- и Некрасов предложил мне писать ежемесячно рецензии по беллетристике, причем выдал записку для получения новых книг из магазина Давыдова, если память меня не обманывает.

Но моему сотрудничеству в "Современнике" не суждено было продолжаться далее одного месяца. Я только и успел написать две рецензии на рассказы из народного быта В. Слепцова и "Степные очерки" А. Левитова, как "Современник" прекратился" (А. М. Скабичевский, Сочинения, т. 2, СПб. 1903, стлб. 334).

В "Отечественных записках" Скабичевский стал постоянным сотрудником публицистического отдела, но он не приобрел того влияния в журнале, на которое рассчитывал. Однажды, недовольный задержкой публикации его статьи "Драма в Европе и у нас", Скабичевский, видимо, высказал Некрасову свои претензии. В марте 1873 года Некрасов отвечал ему: "Очень большой неожиданной больно было мне читать Ваше письмо. Упоминание об унижительном положении, о помыкании и т. п., впрочем, лишает меня охоты объясняться. Позволю себе только вывести Вас из заблуждения касательно Вашей последней статьи. Мысль о том, что в этой статье надо бы в конце кое-что изменить (о ненапечатании ее не было и речи) принадлежит не мне. В "Отечественных записках", как Вы знаете, три равноправных редактора; отдел, к которому принадлежит Ваша статья, находится в заведовании Г. З. Елисеева..." (XI, 244--245).

И позднее, в письме от 10 февраля 1878 года к Н. К. Михайловскому Скабичевский с обидой вспоминал: "Я продолжал быть сотрудником-работником, не только не имеющим никакого голоса в делах редакции, но даже в присутствии которого стараются избегать обсуждения этих дел..." (ЛН, т. 51--52, стр. 486).

Действительно, работа Скабичевского не всегда, по-видимому, удовлетворяла редакцию журнала. Так Елисеев в письме от 6 июля 1879 года к Салтыкову-Щедрину высказывал свои соображения: "Скабичевский может быть очень полезен для "Отечественных записок", если его удалят от сюжетов *злобы дня*, для которых у него нет верного глазомера, и пристроят к сюжетам более определенным и спокойным" (Елисеев, стр. 46). Однако, несмотря на подчиненное место, которое занимал Скабичевский в журнале, его деятельность была разносторонней и полезной. Он опубликовал там литературно-критические работы о творчестве писателей-шестидесятников, о Толстом, Тургеневе, Островском, Гончарове. В 1870--1872 годах в журнале печатались главы из будущей книги Скабичевского "Очерки развития прогрессивных идей в нашем обществе. 1825--1860 гг.", уничтоженной по постановлению комитета министров.

В статьях о поэмах "Современники" (БВ. 1876, No 29) "Русские женщины" (ОЗ, 1877, No 3) Скабичевский отмечал большое общественное и художественное значение творчества Некрасова, демократический пафос его поэзии. Им же написан биографический очерк о поэте (ОЗ, 1878, NoNo 5 и 6), который затем был расширен и предпослан первому посмертному изданию стихотворений Некрасова (см. об этом стр. 333). Его статья "Николай Алексеевич Некрасов как человек, поэт и редактор" (БВ, 1878, No6), адресованная к "молодым друзьям", защищала писателя от наветов реакционной критики, от предвзятых мнений, вызвала высокую оценку его редакторской деятельности. В заключение статьи Скабичевский писал: "... в лице Николая Алексеевича Некрасова русская литература потеряла не только лучшего своего народного лирического поэта, но и лучшего редактора..."

Эта статья была запрещена для перепечатки в подцензурной "Вечерней газете". В резюме цензора говорилось: "Принимая во внимание, что при известной тенденциозности произведений Некрасова, <...> при всем еще памятных сценах и оациях, бывших на его похоронах, где главным образом деятелями являлась именно молодежь, едва ли возможно появление под предварительною цензурою статьи, обрисовывающей яркими красками музу и деятельность покойного поэта, статьи, обращенной еще именно к молодежи и имеющей характер как бы какого-то воззвания <...>" (ЦГИА, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 83, л. 37 об.).

В народнической трактовке Скабичевского Некрасов предстает как выразитель настроений "всех слоев общества". Эта концепция сказывается и в главах, посвященных поэту в мемуарах Скабичевского "Кое-что из моих яичных воспоминаний" (1892). Вместе с тем в них очень интересен анализ личности Некрасова, особенностей его самобытной натуры.

Печатается с сокращениями по изданию: А. М. Скабичевский, Сочинения, т. 2; СПб. 1903, стлб. 387--342, 343--344. Впервые: "Новости и биржевая газета", 11892; No 208 от 30 июля и No 215 от 6 августа.

¹ Стр. 352. Каютин - герой романа "Три страны света", написанного Некрасовым совместно с А. Я. Панаевой в 1649 г. С народнической точкой зрения Скабичевского на образ Каютина, которая высказывалась критиком и прежде, полемизировал Чернышевский: "В "Трех странах света" нет ничего такого, что казалось бы впоследствии Некрасову дурным с нравственной или общественной точки зрения. И, сколько мне помнится, там и не было ничего такого. В анализе этого романа, даваемом "Биографическими сведениями", проводится мысль о противоположности успешной житейской (в данном случае коммерческой) деятельности благу народа. Точка зрения фантастическая. Мне она всегда казалась фантастической" (*Чернышевский*, т. 1, стр. 749).

² Стр. 356. Из стихотворения "Рыцарь на час" (1860--1862).